

Н.А. Бельков
Елец

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УЕЗДОВ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 60-90 ГГ. XIX ВЕКА

*...Думаю о своей «Деревне»,
Как верно все там! Надо напи-
сать предисловие: будущему ис-
торику — верь мне, я взял типиче-
ское.*

И.А. Бунин

В творчестве И.А. Бунина большую роль играла история и жизнь родного края. Очевидно, не случайно рассказ, написанный в 1938 г., «выдуман» писателем под названием «Муза». «Выдуман» сюжет, персонажи, «откуда-то взялась эта странная Муза Граф». Не выдумана только «усадьба Завистовского», по описанию на самом деле принадлежавшая когда-то матери писателя. «Верстах в трех от нашей усадьбы, в сельце Озерки, в Елецком уезде, при большой дороге в Елец, было имение, принадлежавшее когда-то моей матери, потом помещику Логофету, а в моей юности его нищему сыну... Я изредка бывал у него, был однажды лунным зимним вечером, в доме, освещенном только луною...», — вспоминал И.А. Бунин [1]. Произведение от этого посещения впечатление писатель передает своему персонажу. Герой рассказа «Муза» идет, «скрипя, по наезженному среди снегов пути, блестя слева снежные поля под низкой, бедной луной... Свернул с большой дороги, пошел к усадьбе Завистовского: аллея голых деревьев, ведущая к ней по полю, потом въезд во двор, слева старый, нищий дом, в доме темно...». Природа, хозяйственная жизнь хорошо знакомых с детства Бутирок, Озерок, родные и близкие писателя, первые литературные успехи географически связали не выдуманную, а творческую музу И.А. Бунина с южно-русским поддестельем.

Отец писателя, Алексей Николаевич Бунин, происходил из древнего, но обедневшего дворянского рода, к которому принадлежали поэтесса Анна Петровна Бунин, поэт Василий Андреевич Жуковский, ученый-географ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. В годы Крымской войны Алексей Николаевич вместе с братом воевал во главе 65-й Елецкой ополченской дружины, защищая Севастополь. За мужество и героизм, проявленные при обороне Севастополя, полк был награжден Георгиевским знаменем с надписью «За Севастополь в 1854-1855 гг.». Орденами были награждены отличившиеся в этой кампании офицеры 65-го полка: капитан Картавых, капитан Звягин,

поручик Салтанов. «Штабс-капитану Лопатину, поручику Голостену и ... прапорщику Алексею Николаевичу Бунину ... было объявлено «монаршее благоволение» [2]. После окончания Крымской войны у А.Н. Бунина появилась возможность оставить военную службу и вернуться в свое имение в селе Каменка Елецкого уезда, Орловской губернии.

Вскоре он женился на Людмиле Александровне Чубаровой, состоявшей с Буниными в родстве. В 1867 г. семья Буниных, в которой подрастали сыновья Юлий и Евгений, переезжает в губернский Воронеж с целью обеспечить детей хорошим образованием. Бунин вспоминал: «Переезд в семидесятом году в Воронеж для воспитания детей ... способствовал нашему разорению особенно... Страсть к клубу, к вину и картам заставила отца через три с половиной года (после рождения сына Ивана) возвратиться в Елецкий уезд, где он поселился в своем хуторе Бутирки». Со времени возвращения в 1874 г. Буниных, испытывающих известные денежные затруднения, в родные елецкие места жизнь будущего писателя проходит на маленьком, состоявшем всего из нескольких крестьянских дворов хуторе Бутирки и в селе Озерки, в 1881 г. по наследству от умершей матери Людмилы Александровны перешедшему Буниным. Позже в своих произведениях И.А. Бунин неоднократно с поразительной точностью воспроизводит архитектуру, жилой и садово-парковый интерьер дорогих ему мест, воспринимая их как естественный живой фон детства и юношеского становления, полный «поэзии печальной и своеобразной».

В «Жизни Арсеньева» трогательное отношение героя романа к отцу воспринимается как сыновья память писателя об Алексее Николаевиче. Воспоминания И.А. Бунина о родных ассоциативно характеризовали домочадцев Алеши Арсеньева: отца — «сильного, бодрого, беспечного, вспыльчивого, но необыкновенно отходчивого, великодушного, терпеть не могшего людей злых, злопамятных», мать, которая была «совсем особым существом среди всех прочих, нераздельным с моим собственным», «в силу любви, из коей состояла ее душа», братьев, сестер.

Вспоминая об отце, И.А. Бунин писал: «Все его существо было столь естественно и нивно: пропитано существом своего барского происхождения, что я не представляю себе круга, в котором он смутился бы... Даже его крепостные говорили, что «во всем свете нет проще и добрей» его. То, что было у матери, он тоже прожил, частью даже разширил, ибо у него была какая-то неутолимая жажда раздавать» [3]. Во многом именно особенностями характера отца писатель объяснял причину разорения семьи. «...Беспечен и расточителен он был необыкновенно». И, тем не менее, никогда писатель не говорит об отце с осуждением, он, скорее, объясняет прежде всего себе обстоя-

тальства существования семьи, жизненные ценности и устремления отца.

Однако помимо субъективного фактора разорения Буниных, в их судьбе, как и у многих мелкопоместных дворян Центрального Черноземья, важную роль сыграли объективные обстоятельства. Чтобы понять причины, лежавшие в мотивации поступка героев многих произведений И.А. Бунина, необходимо хотя бы вкратце проанализировать социально-экономический фон угасания дворянского образа жизни.

К середине XIX века в России складываются глубокие экономические противоречия, обусловленные активным развитием и ростом товарных отношений и сохранявшимся крепостничеством, тормозившим этот процесс. Вывоз товаров из России (прежде всего - сельскохозяйственной продукции), значительный рост внутренней торговли определили заинтересованность поставщиков зерна в увеличении его производства на продажу, что привело к значительным изменениям в системе землепользования. В черноземной полосе помещики стремились увеличить собственные пахотные угодья, уменьшая крестьянские наделы, находившиеся в их пользовании, переводили крестьян на месячину, выплачивая им за работу на помещичьем поле месячное содержание, или на положение дворовых. Дворовые крестьяне выполняли различные работы на помещика и также не имели в пользовании своего надела. Численность дворовых крестьян к середине XIX века резко возросла (с 4 до 7% и составила около 1,5 млн. человек). В Орловской губернии крестьяне на месячине имели только наделы усадебной земли, где располагались жилые и хозяйственные постройки. В Мценском уезде 81 душа имела 14 дес. 1865 саж. усадебной земли, в Ливенском уезде - у 52 душ была 1 дес. 440 саж. усадебной земли, в Елецком уезде - у 20 крестьян на месячине - 1 дес. 1200 саж. усадебной земли в мелкопоместных имениях от 21 до 100 душ.

Новые отношения взламывали былое социальное разнообразие крестьянского мира. Наглядным свидетельством проникновения капитализма в крестьянское хозяйство явилось выделение из крестьянского мира зажиточных и беднейших дворов. В центральных губерниях Европейской России расслоение заметнее всего проявилось среди промысловых крестьян, находившихся на оброке. В нескольких селениях, например д. Кросово Ливенского у., крестьяне (55 душ) имели всего 930 саж. земли и не отбывали повинностей. Зажиточные крестьяне среди этой категории составляли от 12 до 18% и имели возможность арендовать землю или покупать ее в собственность, правда, не на свое имя, а на имя своего хозяина. В Кромском у. 42 души с. Чулетьево, не отбывая повинностей, пользовались 199 дес. 735 саж. земли. Аналогичный случай имел место в Карачевском уезде в с. Канурино: 4

душ пользовались наделом 9 дес. 257 саж. И здесь отмечалась аренда в группе имений свыше 100 душ, хотя и не столь внушительная, как, например, в Курской губ., где 124 крестьянина арендовали 49 дес. земли [4]. В Рязанской губ. разнообразие форм землепользования еще больше, чем в Орловской губернии, сужается, но случаи сами по себе довольно интересны. В с. Николаевка (Студенка) Рязанбургского у. (на территории современной Липецкой области) 72 души арендовали пахотную землю у помещика - «каждый нанимал земли сколько мог от мира...» [5]. Появляются крестьяне-собственники земли. В ряде уездов черноземных губерний у индивидуальных владельцев было больше собственной, чем наделной земли. По некоторым данным, в селениях Никольское, Дмитриевское, в деревнях Рог, Блошня, Подуб, Милышино, Пальчиков и Меланица Болховского у. в общей сложности было 175 дес. собственной земли во владении четырех крестьян [6]. В Тамбовской губ. было 1177 дес. 690 саж. земли, купленной крестьянами. В виду крепостного состояния купить землю на свое имя они не могли и потому покупали ее по согласованию на имя своего помещика. После отмены крепостного права крестьяне с целью узаконить покупку земли на свое имя подавали соответствующие исковые заявления о признании их собственниками. Чаще всего исцами о признании купленной до реформы 1861 г. земли (на имя помещика) выступали крестьяне крупных селений черноземного центра страны.

Один из первых краеведов, оставивший нам подробное описание этнографии Елецкого уезда, М.А. Стихович, отмечает подобное явление и в жизни елецкого крестьянства. Он пишет, что большая половина жителей уезда - прямые потомки казаков, черкас и боярских детей, которые несли городовую, полесвую и станичную службу, - в предреформенные годы были однодворцами или государственными крестьянами. Удельных крестьян насчитывалось 4900 человек, государственных - 44 981 чел., помещичьих - 35 400. При этом однодворцы и удельные крестьяне владели значительным количеством пахотной земли. В личной собственности купцов и государственных крестьян находилось 154 344 десятины земли, тогда как помещиками принадлежало 193 775 десятины (1 дес.=1,09 га) [7].

Реформа 1861 г., отменившая крепостное право в России, завершилась мирным освобождением крестьян. Это был, безусловно, компромисс в согласовании интересов государства, частных землевладельцев и крестьян, последствия которого экономически изменили хозяйственную жизнь не только крестьянства, но и подорвали веками устоявшиеся формы взаимоотношений помещиков и крестьян. Один из видных деятелей крестьянской реформы, известный ученый-путешественник Н.П. Семенов-Тянь-Шанский, отдавал должное тем «просвещенным и великодушным» помещикам, которые поддержа-

лк идею освобождения всего русского крестьянства от крепостной зависимости и которые были обвиняемы «враждебным освобождению большинством и революционных стремлениях и клеймились прозванием красных». В 1858 г. он отмечал, что для большинства помещиков черноземной зоны России, куда входили земли Воронежской, Курской, Рязанской, Орловской, Тамбовской губерний, «возможность извлекать для себя доход из жалуемых им поместий без обязательного труда (барщины) казалась немыслимой». А потому при наделении крестьян землей в соответствии с местными положениями (исходным для Черноземья можно считать мнение большинства дворян-помещиков признать право крестьян на бессрочное пользование ими только такого небольшого количества пахотной земли, которой было бы необходимо для их прокормления «только впроголодь» (нищенский надел). Для того чтобы поставить крестьян в экономическую зависимость от помещика и заставить их заниматься на работы на помещичьих полях..., крестьянские наделы составили в среднем от 1,5 до 2 десятины на душу населения. Разработчики закона определили такие нормы надела, которые из-за их недостаточности привязали бы крестьянское хозяйство к помещичьему путем неизбежной для него аренды земли у своего бывшего барина. Так появились так называемые «отрезки» от крестьянских наделов, составившие в среднем по стране свыше 20% и достигавшие в некоторых губерниях 30-40% от их дореформенных размеров.

Кроме того, в соответствии с местными положениями производилась отрезка-прирезка земли у крестьян в случае, если величина их дореформенного надела превышала или была ниже новой нормы. Чаще при разверстании на практике применялась отрезка. В то время как отрезка по отдельным губерниям была произведена у 40-65% крестьян, прирезка же коснулась только 3-15% крестьян. При этом размер отрезанных от надела земель в десятки раз превысил размеры прирезанных земель к наделу. Впрочем, прирезка оказалась даже выгодна помещикам: она дополнила надел до определенного минимума, необходимого для сохранения крестьянского хозяйства и в большинстве случаев была связана с увеличением повинностей.

Расчетная отрезка земли по Орловской губернии составила 16,5%. Причем количество отрезанной от крестьянского надела земли значительно колебалось по уездам губернии. Самый низкий процент отрезки был в Елецком уезде — 7,7%, самый высокий в Трубчевском — 35%. В Елецком уезде крестьянский дореформенный надел составлял 80 819 дес. земли, пореформенный — 74 523, отрезка составила — 1 685 десятины. В результате разверстаний орловские помещики получили

183 877 дес. крестьянской земли, при этом большая часть земли оказалась в руках крупных помещиков — 163 117 дес. (88,8%). Помещики, владевшие имениями до 100 душ, воспользовались только 20 760 дес. (11,2%) отрезанной земли. В уездах с лучшими в губернии землями — Малоархангельском, Ливенском и Елецком — отмечалось большая отрезка земли у оброчных крестьян, чем у барщинных при наделении барщинных крестьян наивысшей нормой надела с тем, чтобы заинтересовать крестьян в лучшем выполнении отработок на помещика при сокращении барщины [8]. Таким образом, по Орловской губернии изменению подверглись около 40 тыс. крестьянских наделов. Реальные результаты этих изменений весьма скромны: в конечном счете, в губернии количество земли, выделенной под крестьянские наделы в связи с выкупом, увеличилось на 1572,6 десятины, но это увеличение шло за счет приращения земли к наделам крестьян, проживавших в уездах с наименее благоприятной для земледелия почвой. В уездах с лучшими в губернии землями — Елецком, Ливенском и Малоархангельском — надел оставался в пределах, определенных уставными грамотами. По этим грамотам елецкие помещики уменьшили 8,5 тыс. (32,5%) крестьянских наделов. В результате крестьянское землепользование сократилось на 7,7% — до 74,5 тыс. десятины земли. Кроме того, в Ливенском, Елецком, Орловском, Мценском уездах было отмечено сокращение наделов в связи с отчуждением земли под железную дорогу [9].

Недостатки и некоторая непоследовательность реформы 1861 г., малоземелье и обремененность крестьянских хозяйств выкупными платежами определили «беспорядки» 1861-1863 гг., наибольший подъем которых имел место в марте-мае 1861 г. Превратные толкования Манифеста и Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, так или иначе поселили в крестьянах убеждение в том, что им дарована не только свобода, но и вся помещичья земля. А потому и реакция сельского населения на освобождение принимала различные формы неповиновения властям, включая бунт. Такие случаи фиксировались повсеместно. Наиболее известны события, имевшие место в с. Беззна Спасского уезда Казанской губернии в апреле 1861 г., закончившиеся трагедией расстрела крестьян. Местный житель Антон Петров, «назвавшись пророком и посланником царским», давая свое толкование Манифеста в присутствии жителей окрестных деревень, утверждал, что вся земля отходит крестьянам бесплатно. Попытка прекратить беспорядки увещеваниями генерал-майора Апраксина результатов не дала, и тогда было применено оружие. Общее количество убитых и раненых было около 350 человек. Подобная расправа ошеломила общество. По убитым крестьянам студенты Казанского университета провели политическую панихиду, выразив тем самым неодобрение властям.

Оружие было применено при разгоне крестьянских сходов и выступлений в с. Кандеевка Пензенской губернии, в Подольской, Смоленской, черноземной Тамбовской губерниях. В ходе выступления крестьян Тамбовской губернии появился призыв крестьянских войн XVII-XVIII вв. — самозванство. В Отчете III Отделения отмечается, что «на границе Пензенской и Тамбовской губерний появился странник, оказавшийся потом беглым крестьянином помещика Кожина Егорцовым, который назвался великим князем Константином Павловичем и возмущал крестьян разных имений до того, что они не доверяли властям в убеждении, что манифест объявлен ложный; Чембарского уезда в двух селениях угрожали убить священников, требуя объявления настоящего положения; в селе Покровском, помещика Веригина, избив буринистра и конторщика, разграбили дом управляющего в селе Высоком, г. Кожина, также напали на управителя, который был вынужден скрыться...» [10].

Крестьяне уездов Орловской губернии также ждали большего от царского Манифеста, а потому отказывались выполнять «господские работы» и не доверяли распоряжениям уездных властей. В Карачевском уезде в имении помещика Добровольского крестьяне прекратили господские работы по подстрекательству четырех своих односельцев. Эти подстрекатели отправлены в земский суд. Но вместе с ними туда явились более шестидесяти человек, которые не допустили наказать виновных, нанесли побои полицейским служителям и покушались взять исправника и станового пристава. Призванная нивалидная команда удержала их от дальнейшего буйства. Из числа сих крестьян десять человек подвергнуты немедленному наказанию, а наиболее виновных 12 человек заключены в тюрьму и преданы суду.

В Елецком уезде два крестьянина имения помещиков Даниловых «возмущали» своих односельцев до того, что они угрожали одному из владельцев вилами и «буйствовали против земской полиции». И только после введения туда военного батальона войск свиты Е.И.В. под командованием генерал-майора графа Толя и юрлуса жандармов бунт прекратился. Было наказано десять человек: возмутители спокойствия были отправлены в острог для предания суду. Подобные беспорядки были отмечены и других уездах Орловской губернии — в имениях предводителя Орловского дворянства Апраксина, в имениях помещиков Севского, Малоархангельского уездов. Отмечено повсеместное недоверие крестьян распоряжениям уездных властей, отмечались случаи самовольной смены сельских старшин.

Отмена крепостного права стала почвой и для некоторых авантюрных действий. Так, в Малоархангельском уезде возмутителем спокойствия жителей десяти селений в сентябре 1861 г. стал рждовой Селенгинского полка Никита Гаврилов. Солдат объявил, что он при-

слан императором с тем, чтобы объявить на месте некоторые положения Манифеста. С этой целью в деревнях, где он останавливался, направляясь на службу в свой полк, старосты собирали деревенские сходы. В своих речах перед крестьянами Гаврилов обещал им всю землю, при этом и помещикам выделялось по 4 десятины земли, и по 100 рублей на каждый крестьянский двор для обзаведения. За эту «объявленную радость» он собирал по копейке с каждого тягла. Эта авантюра солдата обошлась ему наказанием плечурутами и шестью годами каторги [11]. Крестьяне же, поверившие в дарованную им свободу и землю, не желали подчиняться властям. В имении помещика Рогозина (с. Знаменское), где имели место крестьянские беспорядки, по прибытии туда жандармского офицера и «роты низших чинов Селенгинского пехотного полка», сельский староста Марин, по сообщению III, обманом собрал волостной сход для того, чтобы судить этого офицера за приведение туда солдат. Марин вместе с другими крестьянами был арестован и предан суду, «а зачинщики неповиновения и самоуправства подвергнуты исправительному взысканию».

Всего же за 1861 год по стране в связи с отменой крепостного права было зарегистрировано 1889 восстаний крестьян, причем большая половина из них была подавлена с помощью войск.

Осуществление крестьянской реформы началось с составления Уставных грамот. Большую роль в сокращении крестьянских наделов Черноземья играли предусмотренные законом разверстания, т.е. разделение помещичьей и крестьянской земли. Разверстания помещики проводили так, чтобы оставить за собой хорошую пахотную землю, покосы, выгоны и другие угодья. При этом чем меньше хорошей земли было в уездах, тем больше помещики стремились иметь ее в своей собственности. При проведении разверстаний повсеместно отмечались случаи неравного обмена хорошей пахотной земли крестьян на неплодородные и непригодные для земледелия участки. Крестьяне оказывали сопротивление таким действиям и усмирять «крестьянское общество» приходилось властям. Подобные случаи отмечались в Миенском, Малоархангельском и Елецком уездах Орловской губернии. В селе Александровка Елецкого уезда Орловской губернии крестьяне после разверстания запахали отошедшую к помещику свою прежнюю землю. Они оказали сопротивление приставу, который пытался арестовать одного из крестьян. Как доказывал жандармский офицер, и в других селениях «крестьяне неохотно соглашались на разверстание...» [12]. С целью сохранения за собой хорошей земли помещики переносили на новые места деревенские усадьбы. В ходе таких действий из 5750 крестьянских усадеб Елецкого уезда на новое место было перенесено 742 [13]. Крестьяне же традиционно считали

утраченную в результате разверстаний землю своей и боролись за ее возвращение вплоть до 1917 г.

После перевода бывших крепостных крестьян на выкуп (в сумме выкупные платежи елецких крестьян с 1863 по 1906 гг. составили 4,7 млн. рублей, что значительно превышало рыночную стоимость этой земли) в 1863 г. выкупные сделки заключило всего 202 елецких крестьянина, выкупивших 559 дес. земли. В 1878 г. численность елецких крестьян-собственников составляла уже 19 тыс. человек. Им принадлежало 48,8 тыс. десятин наделной земли; 10,7 тыс. крестьян продолжали оставаться на положении временнообязанных, в их пользовании было 26,6 тыс. десятин земли» [14].

К 1863-64 гг. в связи с введением уставных грамот, определивших суммы выкупаемой крестьянами у помещиков наделной земли, недовольство крестьян резко возросло. Отметим вместе с тем, что в уездах Орловской губернии в этот период времени сколько-нибудь крупных выступлений крестьян отмечено не было, возможно, это явилось результатом того, что здесь несколько истощилась энергия протеста, отмеченная в Елеце, Малоархангельском, Лизенском, Карачевском уездах в момент объявления Манифеста. Но крестьянский протест по поводу временнообязанного состояния и высоких ставок выкупных платежей приобрел новые формы, свидетельствовавшие о сознательном желании помещикам материальный ущерб. В селе Знаменском (в имении Рогозиных) 96 временнообязанных крестьян не только не выходили на работу, но и препятствовали ее выполнению крестьянам, нанятым помещиком. Это вынудило помещика перевести крестьян на оброк в 1864 г. [15].

Также как и в других черноземных губерниях, в Орловской губернии большая часть отрезанной у крестьян земли оказалась в руках помещиков — больших оброчных имений (до 35%). Средние и мелкопоместные дворяне в результате передачи части помещичьей земли крестьянам в пользование (с последующим ее выкупом) не только утратили часть своей земли в пореформенные десятилетия, но при отсутствии организационных навыков не смогли перейти на новые формы (наемный труд и использование машин) управления хозяйственной деятельностью в своих имениях.

В новых условиях помещики вынуждены были перестраивать способы ведения собственного хозяйства. Однако перестройка эта шла, особенно в первые пореформенные годы, весьма медленно. Отсутствие средств, инвентаря, опыта препятствовали созданию капиталистических хозяйств. В условиях, при которых хозяйственные связи крестьянских и помещичьих хозяйств не были разорваны (крестьяне вынуждены были договариваться об условиях пользования отрезками, платить оброчные повинности, земли крестьян и помещиков находи-

лись в чересполосном владении), возникла так называемая отработочная система.

Характерной особенностью пореформенного крестьянского хозяйства являлось его малоземелье. Свидетельством малоземелья крестьян черноземной полосы служат сведения о размерах душевого надела земли, полученной в результате введения уставных грамот. В среднем 0,8% наделов были менее 1 десятины, 11% — от 1 до 2 десятин, 46,8% — от 2 до 3 десятин, 22,3% — 3 десятины, 7,2% — 3,3 дес., 6,4% — 3,5 дес., 4,1% наделов — 4 дес., 1,4% — 4,5 дес. [16]. Именно малоземелье было причиной того, что в районах, где раньше преобладала барщина — в Черноземье и в Поволжье — достаточно долго сохранялась отработочная система. Сущность ее состояла в том, что крестьяне (за определенную плату, а чаще всего в счет оброчных платежей или за право аренды отрезков) продолжали работать на помещика, используя свой инвентарь. В капиталистических хозяйствах наемные рабочие пользовались инвентарем помещика. Отработочная система из-за невысокой производительности труда экономически незаинтересованного работника не могла долго конкурировать с капиталистическими формами организации хозяйства. И постепенно к 1880-м гг. ее начинают вытеснять другие, более прогрессивные формы.

Для ограждения интересов мелкопоместного дворянства устанавливались особые «правила», предусматривавшие ряд льгот, что создавало еще более тяжелые условия для крестьян в этих имениях. Так, мелкопоместные владельцы не обязаны были прирезать крестьянам землю, если их наделы были меньше нормы. Если крестьяне мелкопоместных владельцев совсем не получали наделов, то им предоставлялось право переселяться на казенные земли и получать пособие от казны для обустройства хозяйством.

Мелкопоместными владельцами считались те дворяне, кто имел менее 21 души муж. пола. Таковых числилось 41 тысяча, или 42% от общего числа поместного дворянства. У них находилось в общей сложности 340 тыс. душ крестьян, что составляло около 3% всего крепостного населения. На одно мелкопоместное владение приходилось в среднем по 8 душ. Особенно много было мелких помещиков в Ярославской, Костромской и Смоленской губерниях, в которых насчитывались десятки тысяч дворянских семей, владевших от 3 до 5 душ крепостных. Однако, несмотря на поддержку государства, значительное число русских помещиков вообще не сумело перестроить свои хозяйства на капиталистических условиях, что приводило к оскудению и обеднению этой категории дворянства. К середине 1890-х гг. около 40% дворянских земель оказалось заложенными, в этот же период продавалось за долги по несколько тысяч дворянских имений в год. Правительством старалось помочь дворянству путем создания специ-

ального Дворянского банка, где на льготных условиях можно было заложить землю.

И.А. Бунин в «Жизни Арсеньева» так иллюстрирует подобную ситуацию: «Отец в мои гимназические годы переживал свой последний подъем: переселившись в Батурино, заложив его и продав Каменку, - все будто бы с мудрыми хозяйственными планами, - он опять чувствовал себя богатым баринном и поэтому, приезжая в город, опять стал останавливаться только в Дворянской, всегда занимая лучший номер. И вот, когда он приезжал, я из дома Ростовцева сразу попадал на два, три дня совсем в другой мир, опять на время становился барчуком, которому все улыбались, кланялись - и «резвые» у подъезда, и швейцар в подъезде, и коридорные, и горничные...». Такое существование свидетельствовало об угасании, если не сказать, агонии бывшего образа жизни. Двойственную трагедию во взаимоотношениях земледельцев подчеркнул Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Порвалась цепь великая,
порвалась и ударила:
одним концом по барину,
другим - по мужику!...

Именно эти явления через известные сюжеты в литературном творчестве подметил и проанализировал И.А. Бунин. Приведем один из примеров существования обедневшей дворянской семьи. О барыне Бибиной и ее дочери рассказывают молодому герою романа «Жизнь Арсеньева» мужики: «...Живут они в своем "именнышке" под Задонском бедно-пребедно, что они родня Уварову, что лошадей им дал их другой родственник, их задонский сосед Марков...» [16].

Постоянно повторяющимся мотивом в творчестве писателя является описание заброшенных, запущенных дворянских усадеб. В «Жизни Арсеньева» об имени, в котором прошли детские годы героя романа, читаем: «Оно когда-то принадлежало нашей матери. Отец, имевший неутомимую страсть все сбывать с рук, давно продал и прожил его. После смерти нового владельца оно перешло к какой-то "кавалерственной даме", жившей в Москве, и было заброшено: земля сдавалась мужикам, а усадьба предоставлена воле Божьей. И часто, проезжая мимо нее по большой дороге, от которой она была в какой-нибудь версте, я сворачивал, ехал по широкой дубовой аллее, ведущей к ней, въезжал на просторный двор, оставлял лошадь возле конюшен, шел к дому... Сколько заброшенных поместий, запущенных садов в русской литературе и с какой любовью всегда описывались они! В силу чего русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, распад? Я шел к дому, проходил в сад, поднимавшийся за домом... Конюшни, людские избы, амбары и прочие службы, раскинутые вокруг

пустынного двора, - все было огромно, серо, все разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огородами, гумна, простиравшиеся за ними и сливавшиеся с полем...» [17]. Со временем запустение и ветшание оставляют лишь смутные воспоминания о былой привлекательности скудеющих помещичьих имений. «В Батурино - это большая деревня, но уж известно, что такое «барская деревня» - в Батурино тихо. Скучно досидится на солнце мелкий длинный пруд желтой глинистой водой; баба возле кавозной плотины лениво бьет вальком по мокрому серому холсту... С плотины дорога поднимается в гору мимо батуринского сада. Сад еще до сих пор густ и живописен, и, как на идиллическом пейзаже, стоит за ним серый большой дом под бурой, ржавой крышей. Но усадьба, усадьба! Целая поэма запустения! От варка остались только стены, от людской избы - раскрытый остов без окон, и всюду, к самым порогам, подступили лопухи и глухая крапива... Картина запустения завершает описание барского дома старухи Батуриной, в котором она уже не живет, ютась в небольшой пристройке. «Еще мрачнее в этих пустых комнатах! Первая, в которую я заглядываю из коридора, была когда-то кабинетом, а теперь превращена в кладовую: там ларь с солью, кадушка с пшеном, какие-то бутылки, пожелтевшие подсвечники... В следующей, бывшей спальне, возвышается пустая и огромная, как саркофаг, кровать... А я медленно прохожу в большой гулкий зал, где в углах свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столов... Галка вдруг срывается с криво висевшего над ломберным столиком зеркала и на лету ныряет в разбитое окно... Вздвинувшись от неожиданности, я отступаю к стеклянной двери на расхожий балкон, с трудом отворю ее - и прикрываю глаза от низкого яркого солнца. Какой вечер! Как все цветет и зеленеет, обновляясь каждую весну, как сладостно журчат в густом вишневнике, перепутанном с сиренью и шиповником, кроткие горлянки, верные друзья потибающих помещичьих гнезд!» [18].

«...Все в Батурино оказалось еще хуже, чем я представлял себе в дороге: убогие избы деревни, дикие похматые собаки и дикие облепленные водовозки возле порогов, вросших в железную грязь, колчи этой грязи по проезду к усадьбе, пустой двор перед угрюмым домом с печальными окнами, с мелепо высокой и тяжелой крышей времен дедов и прадедов и двумя темными от навесов крыльцами, дерево которых сизо от древности, - все старое, какое-то заброшенное, беспечное - и бесцельный холодный ветер гнет верхушку занетной ели, торчащей из-за крыши дома, из жалкого в своей зимней нищете сада... В быту дома я нашел переход уже к грубой бедности - замазанные глиной трещины печей, полы для тепла постланы мужицкими пополами...» [19].

В рассказе «Золотое дно» безысходность запустения подчеркивается констатацией наличия природных условий для хозяйственного возрождения: ценности плодородного чернозема. Безденежье в отсутствии деятельного человеческого фактора приводит к упадку былого благополучия. «Тишина и запустение. Не оскудение, а запустение...» Начало рассказа звучит как диагноз, как приговор хозяйственной нерасторопности.

- Так плохи, говоришь, дела? – спрашиваю я сестру, которая задумчиво смотрит куда-то вдаль, на косогоры за лугами и речкой.

- Совсем, совсем плохи! – поспешно, как будто даже с удовольствием подтверждает сестра. – Будь капитал, еще, может быть, можно было бы поправить. Ведь земля-то такое золотое дно. Но, банк, банк!

- Зато тишина-то какая! – говорю я.

Уж этого хоть отбавляй! С угрюмой иронией соглашается племянник-студент. – Действительно, тишина, и прескверная, черт ее дери, тишина! Вроде высыхающего пруда. Издали – хоть картину пиши. А подойди – зыбкостью понесет, ибо воды-то в нем на вершок, а тины – на две сажени, и караси все подходят... Дно-то, действительно, золотое только до него черт не докопается! Ценность черноземной почвы подтверждают рассуждения крестьянина: «...А земля тут – прямо золотое дно!»

- Хороша?

- Аршин чернозему...» [20].

Экономический потенциал родной земли ассоциируется у писателя с мощной и скрытой энергией моря. Не случайны его сравнения Черного моря и бескрайнего «черного моря земли». В одном из первых стихотворений Бунин приводит такое сравнение и неоднократно повторяет его позже:

В темнеющих полях, как в безграничном море,
Померк и потонул зари печальный свет –
И мягко мрак ночной плывет в ночном просторе
Немой заре вослед.

(1887) [21]

В стихотворении 1916 г. «Настанет день – исчезну я...»:

«И так же будет неба дно
Смотреть в открытое окно
И море ровной синевой

Мантия в простор пустынный свой» [22]. (Выделено нами. – Н.Б.) Из записей 1893 г.: «Вечером ходил в степь, в хлеба. Оттуда смотрел на синюю пустыньность моря» [23]. Это сравнение встретим позже в «Жизни Арсеньева»: «Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом – море хлеба,

трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание...» [24].

Помимо экономических предпосылок и причин оскудения дворянских имений в пореформенный период И.А. Бунин обратил внимание на фатальную предрасположенность русского дворянства к утрате своего особого социального статуса. В автобиографических заметках И.А. Бунина отмечает, что представители древне-дворянских родов, потомком которых он являлся, в последней трети XIX века знали о себе недостаточно много, относились «с полным пренебрежением к сохранению свидетельства о родовых связях». В «Суходоле» И.А. Бунин, как ему кажется, беспристрастно констатирует: «И мы застали уже не быт, не жизнь, а лишь воспоминания о них, полудикую простоту существования. Все реже навешали мы с годами наш степной край. И все более чужими становился он для нас, все слабее чувствовали мы связь с тем бытом и сословием, из коего вышли. Имена наши помнят хроники; предки наши были и столыпинками, и воеводами, и «мужами именитыми», ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнее, как бы твердо говорили мы о них, как долго еще держались бы! Не мог бы потомок рыцарей сказать, что за полвека почти исчезло с лица земли целое сословие, что столько нас выродилось, сошло с ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось где-то! Не мог бы он признаться, как признаюсь я, что не имеем мы ни даже малейшего точного представления жизни не только предков наших, но и прадедов, что с каждым днем все труднее становится нам вообразить даже то, что было полвека назад!» [25].

Называя себя «вольнодумцем», Бунин писал, что был вполне равнодушным как «к своей голубой крови», так и к полной утрате всего того, что было связано с нею: «Ни лицейских садов, ни царско-сельских озер и лебедей, ничего этого мне, потому что «промотавшихся отцов», в удел уже не досталось». Однако равнодушие Бунина к своему происхождению, воспринимается, скорее, как констатация юношеского восприятия мира: полнота ощущений воздействия живой природы, ближайшего окружения, родных вызывает историческую память о предшествующих поколениях Буниных, Чубаровых. Но живая связь и бережное отношение к домочадцам, прежде всего, к отцу и матери, доказывают, что такое «вольнодумство», скорее всего только условие самореализации: своим литературным трудом (любой другой деятельностью) добиться признания и быть достойным исторических заслуг своих предков.

К 80-90-е гг. XIX. завершился процесс дворянского «оскудения». И по воспоминаниям Бунина, после Тернигорев-Атава, именно его называли последним из тех, которые «воспевали» погибавшие